

Шамба Бабинов.

Чем было Казачество.

(Продолжение).

С 1094 года в русских летописях перестают говорить о Тмутараканском княжестве. Это обстоятельство дает основание русским историкам утверждать, что славянское население Тмутаракани и само княжество совершенно было уничтожено новыми степными завоевателями — половцами.

Но в истории нет примера, чтобы какой-нибудь народ, имевший многовековую историю, привязанный к определенной территории, хорошо приспособленный к природным условиям местности, имевший организованную государственную жизнь, — бесследно исчезал.

Точно также и население Руси Приазовско-Подонской (Тмутаракань) исчезнуть не могло, как не могли их, прекрасных воинов, искусных моряков, всех поголовно вырезать новые завоеватели, половцы, которые и чисто по эгоистическим, государственно-политическим соображениям делать этого не могли: это им было просто не выгодно.

Нет, славяно-русы Тмутараканского княжества жили и не переставали занимать свою древнюю землю: они только вошли в состав нового государства кочевых народов, с которым сжились и к которым уже достаточно хорошо приспособились.

Неупоминание в русских летописях о славянах Тмутараканского княжества казахи историки объясняют так: под влиянием тех военно-политических событий, какие совершались тогда на Востоке Европы, в силу наступившего (после смерти в 1054 г. в кн. Ярослава), длительного периода междоусобной войны князей — началась дифференциация до этого более или менее единого славянского народа на Востоке Европы; наметились и пути, по которым эти деления пойдут. Например, немного раньше „часть алан и черкас (касогов или касаров) Святослав после удачного похода на Хозарию, переселил на Днепр, где они, вместе с прибывшими впоследствии другими тюрко-татарскими племенами, смешавшись с местным славяно-русским населением, усвоив его язык, образовали особую народность, дав ей свое этническое имя черкасов (черные клобуки). Из этих черкасов и вышло затем поднепровское казачество с Запорожьем“. (Степнев). В это время наметились те точки, основные „ячейки“, из которых потом образовались те народно-государственные организмы, которые впоследствии будут называться Русью Юго-Западной, Русью Северо-Восточной и отдельно от них — Русью Юго-Восточной (Казакья).

Население этих государственных организмов, в силу разрыва связи, попадает в различные географические, экономические и бытовые условия; жизнь и развитие их протекает в различной духовно-психологической атмосфере. В Восточной Руси широким потоком начинает вливаться финская кровь; вливание тюркского элемента в кровь народа Юго-Восточной Руси (Казакья) еще более усиливается; народ, который называется чигами, казаками, черкасами, кабарями (все они являются тождественными, заменяющими одно другое) совершенно смешивается с населением Тмутаракани.

Таким образом наступает полный разрыв между отдельными частями славяно-русов Востока Европы и, естественно, что для Северо-Восточной Руси, следовательно, и для русских летописцев, Русь Юго-Восточная (Казакья) становится „земля незнаваема“.

Но через сто с лишним лет, а именно с 1147 г., русские летописцы уже снова говорят о славянском населении Тмутараканского княжества, но только называют их не славяно-руссами, а „бродниками“. Эти „бродники“, согласно русской летописи, а на самом деле старое славяно-русское население Тмутараканского княжества, живут на той же территории славяно-русов, представляя из себя уже сложившуюся народность, стойкую, способную на противодействие чужому влиянию, что дало им возможность и под владычеством половцев сохранить свой славянский тип, язык, свою христианскую религию. У этих „бродников“ были свои города, церкви, существовало даже земледелие, что совершенно

противоречит предположению русских историков, которые производили это название от слова „бродить“, т. е., что „бродники“ были, мол, бродячие люди, бездомные скитальцы, случайно забредшие на Дон.

Но что это не так, что „бродники“ были именно то же славянское население Тмутараканского княжества, свидетельствует и русский историк Голубовский, который пишет: „бродники есть община, выработавшаяся из остатков подонского населения, вследствие исторических и этнографических условий, в которые это население было поставлено... Бродники жили в восточной части степи — в Подоньи и по берегам Азовского моря; они исповедывали православие и участвовали в предприятиях половцев“.

А один иностранный ученый пишет, что „те бродники, презирающие смерть, ветвь русских (русов); и они народ, повинующийся Богу войны (воинственный)“, т. е. народ живший на своей территории еще со времен Хозарской империи.

Посол Людовика Св., Рубруквис, о бродниках говорит следующее: „от смешения алан с русами образовался особый народ“..., т. е. опять говорит, что бродники то же славяно-русское население Тмутараканского княжества.

Казахи историки название „бродники“, установившееся за населением Тмутараканского княжества, объясняют следующим образом: в те времена всякое славяно-русское население и его войско входило в состав того или иного русского княжества; славяно-русское же население Тмутараканского княжества не входило ни в какое княжество, а войско его помогало и воевало с кем хотело, и в этом смысле было „бродячим“. Название бродников население Подонья получило по государственно-политическому признаку, а не по социально бытовому (Быкадоров).

— „Из смешения русов с тюркскими племенами образовалась новая народность — бродники. Название это, конечно, не этническое, а бытовое и профессиональное, могло быть дано потому, что, очевидно, они из войны сделали себе род ремесла, как средневековые швейцарцы или ландскнехты, и участвовали в войнах на стороне различных суверенов из-за материальных выгод — „бродили“ от одного к другому. Возможно и другое объяснение: бродникам поручалась охрана бродов на Дону и по другим рекам“. (Степнев).

Бродники, входя в состав половецкого государства, участвуя в войнах вместе с ними, часто действуя и самостоятельно, имели свое особое общественное и военное устройство, управление, свое войско, приобрели широкую известность в Европе.

Они представляли из себя настолько серьезную организованную силу, что появившиеся в первой четверти XIII ст. на Востоке Европы новые кочевые завоеватели — монголы — установили с ними добрые взаимоотношения. Во время первого монгольского нашествия, в битве на Калке в 1223 г., бродническое войско под водительством своего воеводы Пласкини, дралось против половцев и русских князей на стороне монголов. Поэтому совершенно естественно, что „бродники“ в течение всего времени владычества монголов на Востоке Европы до конца XIV ст., будучи „на хорошем счету“ у монголов, сохранили в полной неприкосновенности свое народно-общественное устройство, свою религию, свою военную организацию, широкую национальную автономию. Если же принять во внимание существовавшую у монголов определенную политическую систему — не вмешиваться во внутреннюю жизнь уже покоренного народа и полную веротерпимость, то легко можно себе представить, что бродники при монголах сохранили в полной неприкосновенности свое национальное лицо, внутреннее устройство своей народной жизни. Это тем более было доступно бродникам, они тем более легко подпадали под защиту этой монгольской политической системы, что они, бродники, с самого начала появления монголов явились их верными союзниками.

Поэтому они пользовались в полной мере всей „льготой“, предоставляемой этой монгольской системой и сохранили в полной неприкосновенности все исторически сложившееся у них: прежнее внутреннее устройство народной жизни, управления, организации, народно-хозяйственной деятельности, быта и пользовались полной свободой вероисповедания. В 1261 г. для этого броднического народа была учреждена Подонская епархия.

В период монгольского владычества на Востоке Европы (1240—1400), в государственной системе Золотой Орды население Северо-Восточной Руси (Москва), как земледельческое, играло роль поставщика материальных средств для завоевателей, т. е. для монголов; бухарцы, хивинцы, камские болгары — роль торгового класса, сословия; а народы степной полосы, в том числе и бродники, являлись для монголов необходимой вооруженной силой, вместе с самими монголами являлись источником военного могущества Золотой Орды. Бродники были свободны от дани и податей, подчинены непосредственно Хану Золотой Орды, сохраняя в полной неприкосновенности свое национальное лицо; они несли лишь одну определенную обязанность — иметь готовое конное войско (Быкадоров).

Что славянское население Тмутараканского княжества (Подонья), не исчезая, жило в составе Золотой Орды и за время пребывания под ее властью приобрело свое народное название „казак“, непрерываемо свидетельствует выписка из древней летописи в часовне на Лубянке, касающаяся иконы Божией Матери, каковая выписка гласит: „там, на верховьях Дона, народ христианский воинского чина живущий, зовомый козацы, в радости сретаяща его (Вел. кв. Дмитрия Донского) со святыми иконами и со кресты поздравляюща ему“...

Занимая в государственной системе Золотой Орды положение и значение военно-служилого сословия, внутри себя население Подонья было свободным и вольным народом.

Население Подонья во времена владычества половцев и монголов на Востоке Европы (1100—1380) на протяжении около 300 лет было оторвано от Руси Юго-Западной и Северо-Восточной и, естественно, эта новая народность (донские казаки) утратила ощущение признаков родства с ними; тем сильнее выявлялось родство с казаками (чигами). От них они и получили свое имя — казаков.

Таким образом далекие предки казаков, образовавшиеся из слияния в течение многих веков двух этнических элементов — славяно русов и тюрков — постоянно и бесперервно жили на своей древней земле до конца XIV ст.; подвергаясь воздействию византийской культуры, постоянно общаясь с азиатскими народами, усваивали их народный обычай, быт; как коренные и постоянные жители определенной территории, достигли значительного (для своего времени) культурного развития (города, церкви, земледелие); условия степной жизни, суровая жизнь на территории, веками являвшейся ареной боевых столкновений народов, необходимость постоянно защищать свою жизнь с оружием в руках — выработали в них выдающиеся боевые качества, что сохранились и у современных казаков, их потомков.

Так непрерываемо устанавливается непрерывная преемственная связь современных казаков с их далекими, древними предками — славяно-русами, с незапамятных времен являвшимися коренными обитателями современных Казачьих Земель.

Казаки — не беглецы, не преступники, не „воровская шайка“, как их аттестуют русские историки, а отдельный славянский народ, имеющий свою долгую, полную трагическими событиями и величайшими подвигами, историю, перед которой должны почтительно поклониться и откуда веет той „древней казачьей стариной“, на которую ссылаются многие, но которую мало кто знает.

Конечно, физический и духовный облик современного казака и его древнего предка вполне тождественными быть не могут. Это понятно и естественно, ибо между ними лежат целые столетия, полные вели-

чайшими событиями, в течение которых сотни раз осуществлялась в различных комбинациях „чудная смесь племен и наречий“, что не могла не оставить заметного следа на физическом и духовном облике казака, но все же основные духовные свойства, душевные качества предков сохранились у казаков и до наших дней. Это — рыцарский дух, любовь к свободе и независимости, способность к организации, равноправность всех в жизни, чувство собственного достоинства, храбрость, любовь к своему верному другу-коню, презрение к пешей службе, выдающиеся качества воина.

Совершенно естественно, что постоянное и непосредственное общение казаков с кочевыми народами, пребывание в составе многих степных народов не могли ограничиваться только внешней формой и не могли сводиться только к простому подчинению власти завоевателей. Разумеется, казаки неизбежно должны были до известной степени воспринять и самый дух степных народов, многие черты их быта и жизни.

Интересен в этом отношении взгляд казаков на земледелие. Как известно, Донские казаки до недавнего времени принципиально отказывались от земледельческого занятия, считая его несовместимым с казачьим духом. Даже Войсковой Круг в 1690 г. издал указ, запрещающий казакам пахать и сеять: „если кто будет пахать, того бить до смерти и грабить“... Откуда такое отношение к земледелию, т. е. к прочному оседанию на земле? Особенно непонятным становится такой пренебрежительный взгляд на земледелие, если принять во внимание указания историков, что далекие казачьи предки занимались земледелием.

По моему, казаки такой свой взгляд могли усвоить у монголов за время своего совместного с ними сожительства в составе Золотой Орды. Монголы, свято выполняя завет своего владыки, Чингис-Хана, принципиально отказались от оседлой жизни, от земледелия, считая его занятием недостойным, низким. Чингис-Хан оставил своим потомкам завещание, чтобы они „всегда сохраняли свой кочевой быт и остерегались становиться оседлыми“.

Почему же был дан такой завет? Правильно или неправильно, но Чингис-Хан полагал, что свободными рыцарями, смелыми воинами, неподкупными военачальниками, честными администраторами в его империи могут быть только степняки-кочевники, не привязанные к материальным благам, неподвижно сосредоточенным на одном месте. Он считал, что у горожанина или земледельца, дрожащего над накопленными материальными ценностями, алчная привязанность к этому своему материальному богатству, животный страх за судьбу своего богатства, — убивают дух свободы, дух рыцаря, сознание долга, чувство чести и порождает самые низменные чувства: продажность, подкупность, лезть, зависть, трусость, бесчестность, мелкий расчет.

Не отсюда ли усвоен такой пренебрежительный взгляд на земледелие казаками, которые являлись природными рыцарями, у которых высокое благородство, честность являлись неотъемлемыми душевными качествами?

Конечно, и раньше, и в период монгольского владычества и особенно после него, Казачество пополнялось не только путем естественного, внутреннего органического роста (рождение), но и путем механического смешения.

Свободная и вольная жизнь в непосредственной народной республике Донских казаков привлекала многих из состава других соседних народов. Они приходили и входили в состав Казачества, благо, что процедура приема была несложная, нужно было только принять краткую формулу.

Приходили к казакам турки, греки, персы, поляки, чехи, татары, грузины, а с первой половины XVII ст. и калмыки, но меньше всего приходили русские (великоруссы), которые совершенно не были приспособлены к ратной жизни казаков и, по многим причинам, не могли и приходиться.

Что Казачество не было образовано беглыми русскими людьми и что даже пополнение его беглецами из Великороссии было незначительным, подтверждают и некоторые русские историки.

Например, русский историк и ученый археолог, Ознобишин, решительно отвергает подобную „теорию“ и пишет: „Басня, переданная Броневским, о беглых москвичах, основавших донское казачество, тоже не имеет основания и не выдерживает критики. В XV веке, в момент появления казаков на Дону, в России не было еще крепостного права, и всякий мог переходить с одного места на другое: предполагать же, что беглые были исключительно преступники, тоже нет основания. Какое число преступлений надо было совершить, чтобы образовалась целая масса, целые тучи преступников, где-то увидавших друг друга, сговорившихся бежать куда-то в неизвестные страны, к неизвестным народам и, явившись на место в низовьях Дона, сейчас же сумевших проявить ум, сметливость, отвагу; успешных приобрести оружие, составивших правильное общество, беспощадное для преступлений, управляемое вече и имеющее толковых грамотеев, умеющих писать царям. Все эти предположения — одна фантазия, и можно положительно доказать, что беглые московские люди могли явиться на Дон только тогда, когда были уверены, что найдут там приют и защиту, т. е. уже долго спустя после появления донцов на Дону, после закрепощения крестьян и после церковного раскола, а в другое время из России на Дон являлись единицами“...

Так русский ученый квалифицирует русскую же официальную „теорию“ о казачьем происхождении: „басня“, „одна фантазия“.

О значительном приливе в Казачество представителей иных народов свидетельствуют многочисленные казачьи фамилии: Турчаниновы, Грековы, Поляковы, Черкасовы, Татаркины, Калмыковы, Грузиновы, Персидсковы и т. д. и фамилии, явно происходящие от слов не славянского корня, а также обличье многих казаков. Например, фамилия Харламов явно от калмыцкого слова: хар — черный, лам — священник. Харлам — по калмыцки значит — человек, отрекшийся от духовного сана. Боков — тоже от калмыцкого слова. Бок — буквально пыль, сор. По смыслу — человек незнатного происхождения, находящийся на низшей социальной ступени. Темиров от калмыцкого слова темир — буквально железо, значит — железной силы (воли) человек. Таких примеров можно приводить без конца.

Русские историки не хотят ныне признавать независимого от русских происхождения казачества, ссылаясь и на язык, утверждая, что казаки — русские люди, говорящие на одном с русскими языке.

На этот „языковый довод“ казачьи историки отвечают, что в то отдаленное время, когда возникло, развивалось и укреплялось Донское Казачество, никакого единого русского языка не существовало, а были только отдельные славянские наречия, в том числе и Донское. (На днях только один профессор мне говорил, что один великий русский ученый уже давно доказал, что наравне с великорусским, украинским наречиями, существовало и Донское наречие. Но кто этот русский ученый, доказавший существование отдельного Донского наречия, конечно, этот профессор не говорит, ибо это может усилить позицию самостийников).

С резонансностью такого утверждения казачьих историков не согласиться нельзя, если принять во внимание,

что существующий единый русский литературный язык — совсем недавнего происхождения. По словам Тургенева, только Пушкин „создал русский язык и установил литературу“ (значит, только в первой половине XIX ст., когда Казачество было кроваво подавлено, когда все казачье каленным железом уничтожалось), что до этого времени существовали только отдельные славянские наречия, а вся русская знать считала великорусское наречие языком дикарей и стыдилась говорить на этом наречии.

Для каждого станет понятным, что языком утвердившимся в XIX веке, нельзя обосновывать спор, относящийся к VII столетию, или хотя бы даже к XVI ст. Далеким следствием истории объяснять саму историю. От следствия выводить причину!

Несчастье казаков в том, что историческая жизнь для них сложилась неблагоприятно, их наречие не могло развиваться и стать, наконец, общепризнанным народным и государственным языком, как это случилось, например, с одним наречием немецкого языка, которое стало голландским народным и государственным языком.

Вот та картина казачьего прошлого, которая рисуется казачьими историками. С ними в полной мере согласуются утверждения и объективных иностранных исследователей.

Например, один иностранный ученый говорит, что „казаки представляют собою... остатки сильно смешанных племен, населявших большую часть пространства между Волгой и Доном, Черным морем и Днепром, которые известны в московских хрониках под именем хозар и печенегов, непримиримых врагов древних киевских великих князей, хотя сами были славянского происхождения. Остатки этих разных этнографических групп слились с покоренными русскими под владычеством татар и с ними же делили свою судьбу до 15 ст. После падения татарского ига, остались они в своих просторных степях и жили какой-то военно-демократической республикой... Казаки не имеют ничего общего с русскими, кроме греческой веры и испорченного русского языка. Их же нравы и обычаи, их способ жизни, оружие и способ войны, все это отличает их от русских“...

Эти же иностранцы свидетельствуют, что казаки и после татарского ига оставались жить на своей земле особой государственной жизнью, никуда не исчезли, но только „мало по малу потеряли свою независимость... Петр I отнял у них право выбирать главу государства“, — продолжает тот же иностранец.

Таким образом, и казачьи историки, и объективные иностранцы, на основании изучения исторических данных приходят к одному и тому же выводу: казаки — особый народ, с сильной примесью тюркской крови; являются коренными обитателями исторической Казачьей (современных Казачьих Земель); со времен Хозарской империи (вторая половина VII ст.) и вплоть до самого конца XIV ст. (распад Золотой Орды), т. е. на протяжении почти 600 лет, непрерывно жили на своей древней земле, сохраняя свое национальное лицо, народный быт, хозяйственную структуру, свою христианскую религию...

(Продолжение следует).

Павел Кудинов.

Восстание Верхне-Донцов в 1919 году.

(Исторический очерк).

(Продолжение).

К 4 апреля на участке 2 дивизии восставших красные сосредоточили: 15-ю Инзинскую пехотную дивизию, 3-й Богучарский и 3-й Петроградский пех. полки и повели энергичное наступление. 2-я дивизия, оказывая частичное сопротивление, отошла на уровень хуторов Напоров и Фролов. Красные стремительным наступлением к 4 часам дня овладели хуторами — Тиховской, Вар-

варан, Калинин, и западной окраиной хутора Меркулова (Вешенской ст.). Все эти хутора, немедленно по занятии красными, пылали заревом пожара. Красные жгли все беспощадно. Там, где утром еще были цветущие хутора, остались развалины почерневших труб да обгорелые пни деревьев. Высланный из Вешенской дивизион пехоты, заняв восточную окраину хутора Мер-